

Надежда Нелидова

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ТАРЕЛКИ

КОРОЛЕВА УРОДОВ

У женщин существует три возраста.

В нежном и юном девушки с удовольствием, кокетливо озвучивают свои года. Прислушайтесь: звенят трепетно и мелодично, как струны арфы, как апрельская капель: шестнадцать, восемнадцать, девятнадцать... Веет от этих наивных звонких «надцать» горьковатой свежестью майского ландыша, клейкого берёзового листка... «Дцать» уже грубей, рубленей, вульгарней, но тоже ничего.

Второй возраст женщины стараются скрыть. И, если уж припёрты к стенке неделикатным вопросом кадровички или регистраторши в поликлинике, бубнят под нос скороговоркой.

Есть и третий возраст... Это когда уже настолько всё равно, что свои года называют внятно, бегло и равнодушно. Как будто обнажаются на приёме у гинеколога: кряхтя, деловито, не торопясь снимают пахнущие хозяйственным мылом х/б чулки и мятые старушечьи рубашки. Упругие женские прелести, как и года, увяли и высохли. Выпячивать — равно и стыдливо прятать и очаровательно при этом розоветь — уже нечего, не

к чему, да и не перед кем.

Мы с Машей второвозрастные (звучит ужасно, как второсортные!), потому о годах умолчим. Расклад такой: я простая русская женщина, Маша — богема.

Она пишет эссе и художественно исполняет их со сцены. Сейчас это искусство не востребовано, а в семидесятые Маша блистала. У неё была собственная мужская группа сопровождения, плотный гастрольный график и поклонники в каждом крупном городе Советского Союза.

Успех во многом объяснялся Машиной внешностью. Большеглазое, филигранно отфотошопленное природой личико. Совершенно противоестественная, вопиющая, даже непристойная диспропорция между игольной талией и пышным бюстом и бёдрами.

Одежда и хорошая ткань были дефицитом, но Маша сама строчила на машинке платья из платков: тяжёлых вдовьих павлово-посадских, цыганских, стеклянистых с люрексом. Невесомых радужных из прозрачного шифона, простеньких ситцевых в горох и ромашку, которых брала сразу по 20–30 штук. Белые наряды шила из льняных простыней, прорезала ножницами дырочки, обрабатывала вручную, вышивала цветными бисерными цветами. Помните костюмы ВИА «Самоцветы»? Вот типа того.

Она выходила на сцену, задрапированную нежно-голубой, в цвет её глаз, подкладочной тканью. Подкладка стоила копейки — а каков эффект! Спрятанный мощный вентилятор развевал драпировку, Машины платочные одежды и длинные кудрявые волосы.

Волосы были свои, а кудри завивались на ужасных советских твёрдых бигуди. Маша протягивала кукольные ручки в зал и милым, немножко в носик, насморочным голосом читала эссе о любви... И всё это на фоне красивой музыки.

Организаторы концертов за неё дрались как львы, перехватывали друг у друга. Ни одного концертного плаката у Маши не сохранилось: ни од-но-го! Фанаты охотились за ними, вырывали с корнем с рекламных тумб, расклейщики не успевали натягивать новые.

Вся Машина молодость — это гастроли. Калининград, Сочи, БАМ, Владивосток... Поезда, самолёты, пышные встречи. Персональные райкомовские «волги», гостиничные люксы, цветы, шампанское... Мчишься с ветерком в автомобиле — а вдоль дороги транспаранты, транспаранты... «Приветствуем любимую актрису!» «Добро пожаловать, Маша!»

Были случаи: сумасшедшие поклонники подхватывали миниатюрную Машу со сцены и несли через весь город на руках в гостиницу!

В каких чудных городах она бывала. Вот чудный город — Казань, Маша мне сейчас о нём расскажет. Видела бы ты (то есть я), Машино концертное платье, в котором она выступала в столице Татарии!

Она сочинила аксессуары к нему за один вечер прямо в гостинице «Казань». Отпоролла золотые аксельбанты от парадного мундира одного поклонника, татарина по национальности, и пришила вот тут и тут. Муфточку — из старой шубы... Платье сверкало, соперничало с люстрой в Казанском театре оперы и балета и имело фурор.

Нет, очень, очень чудный город Казань!

А с какими людьми она встречалась! Пила чай с легендарными дикторами ещё довоенной, дореволюционной закваски. Этот очаровательный старомосковский пришепётывающий говорок — слушала бы да слушала. «На этой неделе обещают дощщи». «Вы так щчитаете?» «Я вас угощчу чаем. Какое щчастье слушать вас, Машенька!» Чудо!

Маленького сына приходилось оставлять то на свекровей, то на подруг. До сих пор сын не может простить Маше, что искусство ставила выше материнства, отношения более чем натянутые. Иногда они перезваниваются, вернее, яростно переругиваются. Они обожают друг друга.

Я обычная женщина-домоседка с мужем, детьми, огородом, «Ладой Калиной», с жизнью,

скудной на новые лица и события. Как выжженный песок — скупой дождик, так и я жадно впитываю Машины рассказы о прошлом: вот это жизнь — не скука да дрема! А Маше нравится иметь благодарную слушательницу в лице меня, серой мышки.

«Вернулась домой с гастролей, час ночи, — вспоминает Маша, красиво закуривая электронную сигарету. — Мужа нет, хотя телевизор ещё тёплый — только смылся. Это он таким образом мне мстит. Ах, так?! А наставлю-ка я тебе рога, мой милый. Хватаю такси, мчусь на вокзал, беру билет обратно в Кишинёв. Там безнадёжно страдающий по мне поклонник. Звоню с автомата: «Сейчас или никогда!». Он спросонок ничего не соображает, бормочет, заикается — от счастья, конечно. Слышно, как сонная жена что-то спрашивает, он врёт: ночной аврал на работе... Сумасшедшая ночь любви в гостинице, много вина, кляत्व...»

«Конечно, не всё было гладко, — вздыхает Маша. — В гостиницах не всегда был горячий душ. От недосыпа портилась кожа, от смены воды в разных городах расстраивался желудок. Приходилось возить с собой минералку. В таёжных городах летними ночами одолевали злющие, как псины, комары. А репеллентов: пластин, спиралей и этих отпугивающих ультразвуковых штук тогда ещё не было».

Как-то Маша, измученная, искусанная, завернулась в одеяло, тряхнула головой, выбросив на лицо полог из собственных роскошных волос — как противомоскитную сетку. И дышать было легко, и уснула сном младенца под жалобный звон запутавшихся в густейшем золотом неводе комаров...

А однажды в междугородном автобусе концертная бригада ехала со знаменитым певцом К. Он сидел позади и всё трогал Машины волосы, называл их русалочьими, намекал, как бы ему хотелось на них понежиться хотя бы одну ночьку.

— Это ты про какого К.? Это про того, который сегодня не сходит с экранов? — почтительно изумляюсь я.

— Ну да, — с некоторой досадой признаётся Маша. — Между нами, ничего особенного. Он же в геи подался, когда мода пошла... А в своё время жеребец был ещё тот, ни одной юбки не пропускал. В гостинице не давал мне проходу, становился на колени, вымаливал хотя бы одно свидание. Всю бригаду настроил, подпоил. Мне говорили: «Да пускай отвяжется, дай ты ему, жалко, что ли?» — «Ему *дать*, другие захотят. А я не такая. Я воспитана на «Умри, но не дай поцелуя без любви!» из Чехова.

Утончённую чеховскую Машу убивает современное телевидение. Взять рекламу: вот в

лифте едет опрысканный туалетной водой хлыщ, и туда же входит молодая женщина. Как положено современной женщине — находящаяся в активном поиске, дико озабоченная в этой жизни сексом, исключительно сексом, одним только сексом и ничем более.

У этой, по ходу, вообще бешенство матки, которая на мужскую туалетную воду возбуждается, как бык на красную тряпку. Неизвестно, что там в лифте происходит, но после пятисекундной поездки оба вываливаются из кабинки всклокоченными, помятыми, истерзанными, с плоскими от неудовлетворённости лицами. Это на каком примере воспитывают подрастающее поколение?!

Обычно мы встречаемся у Маши. У меня дома муж с дрелью, дочь с претензиями, зять с проблемами и внуки с шумом. Не уединишься и не поговоришь по душам.

У Маши тишина, которую прерывает пришепётывающее, как старомосковский говорок, тиканье советских ходиков, да ещё её молодая надрывная декламация, несущаяся со старых шипящих магнитофонных плёнок.

Всюду занавесочки, салфеточки, безделушки, засушенные цветы, фотокарточки в кружевных рамках. Гипсовые фигурки, головки, ножки, кисти рук, чаши грудок (все части тела Машины:

четвёртый муж был скульптор).

В шкафу висят концертные платья, которые я снова прошу показать. Восторгаюсь, с благоговением щупаю, вдыхаю слабый аромат польских духов «Может быть», прикладываю наряды к себе, ахаю. Уговариваю Машу открыть собственный музей, на худой конец, продать модному дизайнеру Александру Васильеву, который охотится за эксклюзивом... Какая жалость, что не сохранилось ни одного плаката!

«А ведь было время, было время... Мои эссе — нарасхват! Радио «Маяк», прямой эфир, интервью. Ведущий сдуру дал мой домашний адрес и телефон. Я его потом материла. Вообрази: хлынул шквал писем, звонков! Страстные признания в любви летят через всю страну: от полярных лётчиков до чабанов, от донбасских шахтёров до сибирских геологов. Один военный чин обещает прислать вертолёт и устроить воздушное сафари на каких-то копытно-рогатых зверюг из Красной книги. Вор в законе грозит при выходе из колонии окутать мехами и осыпать бриллиантами...

Естественно, дома скандалы, угрозы, третий по счёту развод... Я потом журналистам первым условием ставила: упаси бог, никаких моих координат!»

У Маши профессиональная болезнь:

надорванные связки. Она вынуждена дать им передышку и с брезгливой гримаской включает телевизор: это чудовище, этого пожирателя мозгов, циклопического монстра, который сеет безграмотность, беспринципность, разврат...

Раздаётся восторженный Машин визг, он буквально выдёргивает меня из кухни, где я ополаскиваю чашки.

— Одноклассница! Моя одноклассница Иволгина! Она новая ведущая шоу «Король уродов»! Я знала, что она в Москве, но что на телевидении и добилась таких успехов... — Маша снова визжит, забыв о надорванных связках.

«Король уродов» — это слизнутое с запада (как всё у нас слизнуто) комедийное шоу. На нём ведущий высмеивает участников, даёт обидные клички, пытается вывести из себя. Те в ответ огрызаются... Жарят, одним словом. Типа боёв без правил, только там до первой крови, а здесь до первой истерики.

Пока я добиралась до дома, Маша успела позвонить шесть раз, всё с новыми сведениями об однокласснице Иволгиной.

Что училась подружка так себе и дерзила учителям. Что когда у одной из них наступали критические дни, они щедро делились друг с другом прокладками и демонстрировали их медсестре, чтобы получить освобождение от физры.

А однажды они вместе с Машей курили под лестницей, и их засекала завуч. Маша чуть не уписалась от страха, а Иволгина, вылезая в паутине, пустила в лицо завуча красивое колечко дыма, как героиня вестерна.

С каждым рассказом Иволгина приобретала мифические, почти демонические черты. Маша заглянула в Интернет и теперь заваливала меня почерпнутой оттуда информацией.

— Представляешь, Иволгина сразу поставила условие: только прямой эфир, до неё никто не решался!

— А знаешь, на какую сумму с ней заключили контракт? Встань рядом с диваном, а то рухнешь на пол!

— Ради Иволгиной шоу переименовали в «Королеву уродов», значит, ставят на неё по-крупному!

До этого-то она припухала на кабельном, дровича какую-то кулинарную шнягу, но по ходу накосячила, и у неё возникли тёрки с продюсером. Она забила на это дело и без базара замутила с важным ушлёпком с Музканала, и ей конкретно попёрло, стопудовый попадос! Всосала?

Нет-нет, это не Маша так говорит, это она цитирует статью.

Под утро не сомкнувшая глаз Маша слабым, томным голосом сказала, что она всё продумала и

собирается в Москву. Школьная дружба не ржавеет. Иволгина вытащит Машу из болота небытия и забвения. Машины эссе не утратили актуальности, напротив, внесут свежую струю в грубость и пошлость современного телевидения. Старые поклонники вспомнят Машу, вздрогнут, застонут, вскинутся, забросят Останкино мешками писем. Рейтинг, реклама, слава, деньги! Одним словом — пруха, ёпт! Вкурила?

Маша скинула СМС-кой дату прямого эфира. В знаменательный день и час я выпроводила дочку и зятя в кино, мужа на дачу, внуков к соседям и заперлась, чтобы уж ничто меня не отвлекало.

Иволгина оказалась жёлчной тощей тёткой в училкином костюме, с жидким белобрысым хвостиком.

Она сразу наметила жертву — осторожно улыбающуюся женщину с явно свежей круговой подтяжкой — и коршуном набросилась на неё.

— Вау, к нам пожаловала маска Гиппократы?! Осторожнее улыбайтесь: вдруг лицо треснет за ушами как переспелый арбуз, а у нас только аптечка первой помощи. Не слышу, что вы там лепечете? Вам нельзя раскрывать рот больше миллиметра!

Её соседки попытались вступитья, но Королева Уродов немедленно переключилась на

них:

— Опаньки, у нас в гостях очаровательные Билли, Вилли и Дилли! Кря-кря! Ути вы мои губастики! А где же ваш щедрый дядюшка Скрудж, спонсировавший дутые силиконовые губки? Уж не этот ли хряк, пускающий лысиной солнечных зайчиков? Вы уж её не забывайте каждое утро бархоткой полировать! А я-то думала, в студии повесили дискотечный шар!

В нужных местах фонограмма выдавала за сценой взрывы смеха, чтобы зрители догадались, в каких местах следует смеяться.

Маша сидела в первом ряду, оттянув плечи назад, выпятив пышную грудь. Перед отъездом она побывала у косметички и парикмахера: подкорректировала губы гилауронкой, начесала на самые глаза густую белокурую чёлку, заплела косу и перебросила её через плечо. В косу вплела пышный голубой бант, в цвет глаз. Наращенные ресницы были такой длины и твёрдости, что когда Маша моргала, они, казалось, пластмассово клацали на весь зал.

Я видела, как Маша кинула на сцену записку с прицепленными к ней школьными фото, и теперь полыхала алой зарёй. Иволгина в своей тесной юбочке прицокала на четырнадцатисантиметровых шпильках, нагнулась за запиской и призывно помахала ею в воздухе.

— Упс! Кого я вижу? Подружка дорогая, просим на сцену!

Маша вышла, не веря своему счастью, не чую под собой ослабших ног, нащупывая кончиками туфель половицы — навстречу своему Звёздному часу.

— Оператор, крупный план! О кей! Да это же вылитая Бурёнка из Маслёнкина! Это что у тебя — колокольчик? — она острым ногтём бесцеремонно поддела Машин медальон на груди. — Вау! А какое роскошное вымя — лифчик не жмёт? Сколько молока надаиваем? По дружбе (это моя одноклассница, господа!) — прошу у Бурёнушки экологически чистого молока! Молочные ванны так молодят!

Гомерический хохот в зале. Иволгиной с готовностью несли чистую трёхлитровую банку. Я, мучаясь, выключила телевизор, стараясь не смотреть на Машу...

— Знаешь, что я первое услышала, когда села в вагон? «Мама, смотри, тётя из телевизора! Бурёнка из Маслёнкина!» На меня приходили смотреть из соседних вагонов, щёлкали на телефоны! Господи, как я не умерла от стыда! И когда я вышла на перрон, все оборачивались и фыркали. Дети — они же непосредственные! — кричали:

— Бурёнка из Маслёнкина пришла, молочка принесла! Му-у!

Ты вот сейчас со мной разговариваешь, а я, как рентген, вижу насквозь твои мысли. Признайся, ты думаешь: «Бурёнка из Маслёнкина! Бурёнка вернулась в своё Маслёнкино!»

Она горько рыдала, билась в истерике и выкрикивала свою «Бурёнку».

...Маша пролечилась полгода. Она подурнела, похудела и притихла. По совету психолога поменяла внешность: остриглась ёжиком и перекрасилась в брюнетку. Никто не узнаёт в ней больше Бурён... мультяшную героиню. Я даже в мыслях старюсь не произносить этого прилипчивого слова.

Мы снова пьём чай, и я счастлива, что всё позади. Маша снова упоённо рассказывает, каким бешеным успехом пользовались её эссе. Как знаменитый седовласый поэт стоял на коленях, упрашивая переложить их на стихи и издать сборник. А известный московский композитор готов был отдать всё на свете, чтобы сочинить к ним музыку.

Потом Маша спрашивает у меня телефоны местных многотиражек. Я ополаскиваю в кухне чашки и слышу, как Маша унизительно и умоляюще говорит в трубку:

— Нет места на полосе? И в ближайшее время

не предвидится? А когда вам перезвонить? Через месяц? Лучше через два? А вы не знаете, куда ещё можно пристроить мои эссе? Чудные эссе на вечную тему о мужчине и женщине, о любви... Бесплатно, разумеется! Я бы даже сама приплатила! Не знаете? Извините...

И набирает следующий номер.

ЯПОНСКИЙ ЗОНТИК

Потерялся старый японский зонтик. Ну да, тот самый, полуавтомат: с этикеткой «три слона», ещё из СССР. Я простояла за ним в очереди, в три кольца обвинившей ГУМ. Три часа в трёхколенчатой очереди за тремя слонами. Зато и служил верой и правдой три десятка лет. Только однажды из петельки выскочила спица, я её сама аккуратно и подшила.

Он был лёгонький, нежного пастельного цвета: подойдёт к любому гардеробу. Не то, что тяжёлые, советские, в аляповатых цветах. Их механизм предательски заедал в самый ответственный момент. Они выкручивали руки, выворачивались наизнанку при слабом порыве ветра и грозили унести прочь, как Мэри Поппинс...

И вот он потерялся, мой любименький штопаный зонтик-дружок. А лето выдалось дождливое: прямо сезон тропических ливней.

Пришлось срочно купить первый попавшийся китайский, одноразовый. Теперь, по закону вредности, старый зонтик должен был обидеться на хозяйку-предательницу и тотчас отыскаться. Но не отыскался.

— Яп-понский зонтик!

Это я не взывала к пропавшей вещи — это я так выругалась. Служил у нас отделе дознания майор П., бравый мужчина. Он в сложных жизненных ситуациях неизменно привлекал «японского бога», «японского городского» и даже таинственного «японского гостя». Взрвёт — штукатурка сыплется, и подследственные в ужасе подскакивают на табуреточках и колются как полешки. А я вот нашла для ругательства более изящный, кокетливый дамский оборот.

— Японский зонтик! Следовательно по особо важным, называется, — бормочу я, контрольно перерывая квартиру. — Какой-то паршивый старый зонт найти не могу. Недаром тебя (то есть меня) шуганули из органов...

Это больная тема, и я прикусываю язычок. Да и наговариваю на себя: я считалась лучшим спецом в органах. Это сейчас на службе развелось папиных дочек с крахмальными ресницами и силиконовыми ротиками. Хлоп-хлоп глазками, шлёп-шлёп губками. Кофей подать, пощebetать по бумажке в микрофон, папку из кабинета в кабинет перенести,

вертя попкой. А в мои годы женщин в органах служили единицы, и скидок никаких им не делалось.

В американских детективах красотки-сыщицы, с внешностью Кейт Бекинсейл (безукоризненный макияж, струящиеся волосы, свежий блеск на губах) — спасают человечество от мирового зла. Палят, не целясь, в бандюков и попадают с первого раза, узко семянят по карнизу небоскрёба, лезут в вентиляционные переходы, карабкаются по верёвочной лесенке в вертолёт...

Всё это непременно на пятнадцатисантиметровых шпильках и в вечерних платьях декольте, с разрезом от пола до талии... Ночи напролёт я смотрю детективы (а что мне остаётся делать на пенсии?) — и мне дико смешно.

А не хотите — блин, японский зонтик! — сальных, неделю не мытых волос и свербящего от грязи тела? Потому что убийства совершаются не только в сияющих огнями мегаполисах, но и в глухих деревнях? Там, знаете ли, милицию с распростёртыми объятиями, хлебом-солью и какао-ванной не встречают.

Не хотите от небритых урок обещаний на зоне разыграть в карты принципиальную бабу-следователя, страшно поквитаться с ней после отсидки? И густого мужицкого мата, и вонючего табачного дыма, от которого у меня, некурящей,

раскалывалась голова? А также красных, опухших после бессонных ночей глаз (без туши кажутся безресничными). А также элементарной невозможности сбегать по нужде в кустики, потому что дамской комнаты (леди-рум) для меня не приготовлено. А в кустиках ползают криминалисты, фоткают, собирают вещдоки в пакетики...

— У аппарата! — важно буркнула трубка Галиным голосом.

— На днях вы нашли мой японский зонтик, — грозно говорю я. — Не отпирайтесь, подследственная, верните его владелице — и я обещаю не возбуждать уголовного дела.

Грубый, плоский солдафонский юмор. И привычка с допросов: его нужно вести не в вопросительной, а в утвердительной форме.

— Ой, как остроумно. Нужен мне, как рыбке, твой зонтик, — фыркает Галя.

Мы с Галей друзья: те самые, которые познаются в беде. Когда я попала в трудную жизненную ситуацию, меня поддержала одна Галя. То есть тех, кто ахал и охал, причитал вокруг — их было предостаточно. Но вот давать мне, реально голодной — то продукты, то деньги, то займы, а то и безвозмездно... Позвать к себе в гости на горячий буйончик и свежееиспечённый мясной пирог — это

только Галя. У той бульоны и мясные пироги не переводились даже в самые дефицитные, голодные годы.

В девяностые Галя распространяла заграничную бытовую химию. Арендует зал, пригласит пенсионерок и домохозяек — и показывает фокусы. Прямо на сцене простирнёт чёрное от грязи бельёцо или окунёт в тазик страшенькую, липкую от жира тарелку — те вмиг засияют. Зрительницам невдомёк, что Галя ловко подменила бельё и посуду. А помои выплеснет в горшочек с фиалкой.

— Видите, — хвастается, — цветок только жирнее, пушистее становится. Вот вам ещё и бесплатное экологически чистое удобрение.

Домохозяйки, пукая от счастья, расхватывают средство «три в одном». Никто же не знает, что дома у Гали целый арсенал таких горшков-гробиков с засохшими фиалками... Фиалковая убийца. Красиво звучит, чёрт возьми.

Я много раз обещала привлечь подругу по статье, но всё как-то руки не доходили. Вот на пенсии свободное время образовалось, а рука не поднимается.

Сейчас у Гали собственное кафе в центре города. Назвала «Фиалкой»: должно быть, в память о безвременно умерших подопытных цветах.

Такое крошечное уютное кафе в подвальчике.

Над входом рекламный щит, с него белозубо улыбается счастливая молодая семья. Уплетают жареные куриные ножки и румяные булочки с котлетами. И броская надпись: *«Только самые отборные и свежие продукты! Мы любим вас и заботимся о вашем здоровье!»*

Пока Гали нет, я беспрепятственно проникаю в подсобку кафе.

— Лялька, я не оставляла у вас на днях японский зонтик?

— Нет, — сразу испуганно отрекается Лялька. Чего её ни спроси — она всего пугается, от всего приходит в ужас. Внешне похожа на тощенькую большеглазую дурнушку Тильду Суитон. Лялька влипала в мутную историю с ипотекой и с приезжим восточным мужиком, который её обобрал до нитки.

Тоже была подобрана Галей, умыта от слёз и соплей, обогрета. Отечески обругана, грубовато обласкана и пристроена в кафе «Фиалка»: на подхвате, на подмене.

— А ты вспомни, где последний раз была с зонтиком? — даёт оригинальный совет Лялька. Она занята: деловито переклеивает просроченные ценники. Целая стопа содранных замасленных ценников. Погоди, Галюня, дождёшься: натравлю я на тебя потребнадзор.

Лёгкая на помине Галя врывается в подсобку. Будто с пожара: глаза безумные, волосы растрёпанные, щёки пламенеют яблоками сорта «Ред Чиф».

— Живо! — орёт она на Ляльку. — Живо на склад! Чтобы с Ашотом (шофёр-экспедитор) немедленно освободили от не кондиции! Да не в мусорные контейнеры везите, а в глухой лес!

— Галочка, у нас же всё не кондиция. И что, теперь весь склад — в лес?! И потом, я же ценники меняю, как ты велела... Куда их теперь?

— Да хоть в задницу к себе, тупая курица! — ревёт Галя. — У нас меньше часа! Ревизия!

— Да ведь не в первый раз, Галочка. Пригласи их к себе, угости коньячком — а там всё уладите, обсудите, договоритесь...

— Дура!! — стонет Галя. — Из прокуратуры проверка!

Тут она замечает меня и бросается мне на шею.

— Господи, сыщица, тебя сама судьба послала!.. Я у себя, займусь бумагами, — властно бросает она Ляльке и увлекает меня в кабинет. — Чай с вкусняшками не предлагаю: не до того. У нас ЧП!

Действительно, происшествие — врагу не

пожелаешь. Вчера в «Фиалке» отравились посетители, целая семья. Почти портрет с рекламного щита: мама, папа, дочка и сын. Лежат в реанимации. Понос-рвота какой-то грязью, языки вывалились. Сами зелёные, на губах пузырится пена... Просто зомби из «Ходячих мертвецов».

Галя просит меня — не в службу, а в дружбу — потрянуть стариной, начать собственное тайное расследование. В груди у меня щекочет и подрагивает холодок. Будто у охотника-ветерана, который впервые за долгие годы щёлкнул затвором ружья, поводит дулом в предвкушении добычи.

Семья во время воскресной прогулки проголодалась и заглянула в кафе. Взяли только чай с шоколадными пирожными. Кипяток в титане, чайные пакетики в фольговой упаковке, сахар-рафинад в коробке, брали щипчиками.

Пирожные, по пять штук, упакованы в красивых прозрачных коробках. Коробки находятся за спиной раздатчицы, в стеклянной холодильной камере. То есть семья ела и пила то, что ели и пили прочие посетители — а их по случаю воскресенья в кафе было немало. Но отравились только эти четверо, мистика какая-то.

В их организме обнаружен яд не выясненного происхождения. Скорее всего, Китай: этот ушлый народец хлебом не корми, дай нахимичить. Яд

находился непосредственно на шоколадной глазури, в кондитерской присыпке.

На семью я нарыла все сведения, какие могла. Семья прозрачная, как лабораторное стёклышко: ни врагов, ни недоброжелателей.

Кулинарные изделия печёт Галя и приносит их к раздаче собственноручно. То есть никаких третьих сил (в лице конкурентов из общепита) не могло вмешаться на пути короткого следования пирожных от духовки до прилавка. Галя не самоубийца и не враг сама себе.

Хотя... Когда-то у владелицы «Фиалки» была бурная интрижка со студентиком. В последствие он её вероломно бросил и женился на девушке-однокурснице. Не замешаны ли здесь чувства, месть? Но Галин коварный любовник даже внешне не похож на отца отравленного семейства. И Галя не та кошка, которая гадит, где живёт.

На кассе и раздаче в тот день работала Лялька.

— Никто к той семье не подсаживался, — утверждает она, тараша от честности глаза. — Они сидели за ближним столиком. Всё с моего места просматривалось.

«Фиалка» закрыта, подсобка опечатана, но Галя выдала мне ключи.

Пищевой цех опутан жёлтыми сигнальными лентами. Мы с Лялькой на четвереньках пролезаем

под ними. Домовитая Лялька сразу принимается за работу: разворачивает упаковки с творогом и привычно, педантично, филигранно лезвием ножа снимает сверху и с боков нежную зёлёную пушистую плесень. Чистенький творог любовно кладёт в кастрюлю.

Рядом в ведре грязная вода, в которой плавают половые тряпки. При ближайшем рассмотрении это оказывается отмокающий изюм.

Предприимчивая Галя не желает нести убытки из-за простоя. Она договорилась с ближайшим офисным центром о доставке домашних обедов. В сегодняшнем меню указана творожная запеканка с изюмом.

— Елена Николаевна! — официальным тоном, исключаящим всякий намёк на дружбу, говорю я. — Вытрите руки насухо, положите на коленки и сядьте ровно. Поминутно воспроизведите *тот* рабочий день.

Лялька оправдывается: «Руки не привыкли без работы». Она и по жизни-то запуганное существо, да тут ещё весь вчерашний день её таскали и терзали следователи.

Но у меня перед ними крупное преимущество. Надо мной нет начальства, которое стучит кулаком по столу и брызгает слюной. Требуется бешеной оперативности, немедленной поимки и чистосердечного признания преступника, и

улучшения статистики по району. И ещё мне не надо набирать в компьютере многотомные отчёты.

Лялька шмыгает носиком, тискает грязный носовой платочек. Добросовестно и нудно припоминает, как заступила на смену, как Галя попросила её подменить на раздаче.

— Нам в тот день с базы привезли мешок списанной гречки. Мыши туда накакали, — простодушно объясняет Лялька. — Галя с Ашотом поехали на мукомольный: перемолоть ту гречку и потом печь гречишные блинчики... — она кивает в сторону огромной сковороды с чем-то вязким, чёрным.

— Господи, это что, смола: грешников поджаривать?!

— Это фритюр. Печём блины, оладьи, сырники, — обижается Лялька. — Свеженький: двух месяцев не прошло, как меняли. Так-то и по полгода не сливаем... Галя потом этим маслом забор на даче пропитывает. Говорит, от гниения отлично...

— Ну, вот... — продолжает она, — В девять открылись, как всегда. Бабушки уже у дверей паслись. У нас каша и чай дешёвые...

Слушая унылую Ляльку, хочется заплакать или заснуть. Или как следует треснуть сумкой ей по башке для ускорения.

— ... И потом эта женщина из очереди

возвращает пирожные и просит: «Поменяйте эту коробку, пожалуйста».

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Настораживаюсь, делаю стойку, как гончая, напавшая на след. Мне даже кажется, уши у меня зашевелились, раздвинули волосы и встали торчком.

— Стоп, стоп, стоп. Что за женщина? На каком основании вы, Елена Николаевна, приняли у неё обратно оплаченные пирожные? Согласно Типовым правилам, продовольственный товар надлежащего качества обмену и возврату не подлежит.

— Да она даже от прилавка не отходила! Посмотрела и вернула! — отбивается струсившая Лялька.

— Хорошо, пусть так. Чем пирожные её не устроили?

— Она сказала... Сказала, что несёт их, кажется, в больницу приятельнице. И та не любит пирожные с вишенками, а любит как раз с дольками абрикоса... И потом, она нашла дефект: там на двух пирожных следы от пальцев. Галя, наверно, их горячими неаккуратно укладывала.

— Та-ак. Припомните, подозреваемая... то есть, Елена Николаевна... Припомните, не совершала ли та женщина каких-либо манипуляций с пирожными? Сосредоточьтесь, напрягите память

— это очень важно.

— Она коробку взяла, открыла, понюхала. Потом стояла, думала... И, когда народ рассосался, попросила поменять пирожные. Очень деликатная женщина.

— В течение какого времени, как вы заметили, народ «рассосался»? Минут пять?

Лялька краснеет и кивает. Всё понятно. Значит, все десять. За десять минут можно отравить полгорода, не то что одну семью. Той женщине было всё равно, кому подсыпать яд. Просто злорадно наблюдала со стороны за суматохой в кафе. За тем, как несчастные корчатся и хватаются за животы, как их увозит скорая...

У Ляльки всю жизнь проблемы со зрительной памятью. Она описывает внешность отравительницы: средний рост, средний возраст. Униформа: китайский пуховик кислотного цвета, капюшон оторочен кошкой. Дешёвый китайский синтетический шарфик. Ниже прилавка по понятным причинам описать не может.

Особые приметы: плохо покрашенные русые волосы, у корней пробиваются свои, седые. Жирно нарисованные на веках стрелки. Морковная помада немножко размазалась под носом. Под это описание подходят Галя, я, Лялька и 85 процентов женщин, которые сейчас идут мимо кафе «Фиалка».

Лялька деловито возвращается к реанимации плесневелого творога. И тут я замечаю, что из кармана её рабочего халата торчит синий бумажный уголок. Она пытается локотком незаметно запихнуть его обратно.

— Что это у тебя? Ну-ка дай.

Реакция Ляльки неожиданна. Измерив взглядом расстояние до двери, она с удивительной прыткостью прыгает к ней. Я ещё не потеряла профессиональных навыков. Ставлю ей подножку, заламываю руки и валю на пол.

— Да что с тобой, Лялька?! Какая-то дурацкая тетрадь...

— Вот именно: какая-то дурацкая тетрадь! Какое тебе дело? — пищит подо мной Лялька. — Это очень личное, мой дневник!

Я, тяжело дыша, засовываю трофей в сумку: дома почитаю. Растрёпанная Лялька трясётся как цуцик — смотреть противно.

«Никогда, никогда, никогда — слышите?! — даже если вы умираете от голода — не ешьте в кафе «Фиалка»!»

Я пожимаю плечами: странное начало для личного дневника незамужней женщины.

«Кафе «Фиалка» — это конец пищевой цепочки. Последнее звено в ней — ваши желудки. В том числе детские, нежные и слабенькие. К